

Н.Н. Наседкин

Лебезятников

ЛЕБЕЗЯТНИКОВ Андрей Семенович — персонаж романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», «служащий в министерстве», «молодой друг» Петра Петровича Лужина и сосед Мармеладовых. Именно в квартире Лебезятникова (номера Амалии Людвиговны Липпевехзель) временно остановился Лужин по приезде в Петербург. Последний считает себя опекуном Лебезятникова и видит в нем представителя поколения «передовой молодежи». Через восприятие Лужина поначалу и создается внешний и внутренний портрет этого персонажа (и попутно добавляются штрихи в портрет самого Лужина): «Петр Петрович презирал и ненавидел его даже сверх меры, почти с того самого дня, как у него поселился, но в то же время как будто несколько опасался его. Он остановился у него по приезде в Петербург не из одной только скаредной экономии, хотя это и было почти главною причиною, но была тут и другая причина. Еще в провинции слышал он об Андрее Семеновиче, своем бывшем питомце, как об одном из самых передовых молодых прогрессистов и даже как об играющем значительную роль в иных любопытных и баснословных кружках. Это поразило Петра Петровича. Вот эти-то мощные, всезнающие, всех презирающие и всех обличающие кружки уже давно пугали Петра Петровича каким-то особенным страхом, совершенно, впрочем, неопределенным. Уж конечно, сам он, да еще в провинции, не мог ни о чем в этом роде составить себе, хотя приблизительно, точное понятие. Слышал он, как и все, что существуют, особенно в Петербурге, какие-то прогрессисты, нигилисты, обличители и проч., и проч., но, подобно многим, преувеличивал и искажал смысл и значение этих названий до нелепого, <...> Вот почему Петр Петрович положил, по приезде в Петербург, немедленно разузнать, в чем дело, и если надо, то на всякий случай забежать вперед и заискать у «молодых поколений наших». В этом случае надеялся он на Андрея Семеновича и при посещении, например, Раскольникова уже научился кое-как округлять известные фразы с чужого голоса...

Конечно, он быстро успел разглядеть в Андрее Семеновиче чрезвычайно пошленького и простоватого человечка. Но это нисколько не разуверило и не ободрило Петра Петровича. Если бы даже он уверился, что и все прогрессисты такие же дурачки, то и тогда бы не утихло его беспокойство. Собственно до всех этих учений, мыслей, систем (с которыми Андрей Семенович так на него и накинудся) ему никакого не было дела. У него была своя собственная цель. Ему надо было только поскорей и немедленно разузнать: что и как тут случилось? В силе эти люди или не в силе?..»

А уже от повествователя добавлено: «Этот Андрей Семенович был худосочный и золотушный человек малого роста, где-то служивший и до странности белокурый, с бакенбардами, в виде котлет, которыми он очень гордился. Сверх того, у него почти постоянно болели глаза. Сердце у него было довольно мягкое, но речь весьма самоуверенная, а иной раз чрезвычайно даже заносчивая, — что, в сравнении с фигуркой его, почти всегда выходило смешно. У Амалии Ивановны он считался, впрочем, в числе довольно почетных жильцов, то есть не пьянствовал и за квартиру платил исправно. Несмотря на все эти качества, Андрей Семенович действительно был глуповат. Прикомандировался же он к прогрессу и к “молодым поколения нашим” — по страсти. Это был один из того бесчисленного и разноличного легиона пошляков, дохленьких недоносков и всему недоучившихся самодуров, которые мигом пристают непременно к самой модной ходячей идее, чтобы тотчас же опошлить ее, чтобы мигом окарикатурить все, чему они же иногда самым искренним образом служат. <...> Как ни был простоват Андрей Семенович, но все-таки начал понемногу разглядывать, что Петр Петрович его надувает и втайне презирает и что “не такой совсем этот человек”. Он было попробовал ему излагать систему Фурье

и теорию Дарвина, но Петр Петрович, особенно в последнее время, начал слушать как-то уж слишком саркастически, а в самое последнее время — так даже стал браниться. Дело в том, что он, по инстинкту, начинал проникать, что Лебезятников не только пошленький и глуповатый человек, но, может быть, и лгунишка, и что никаких вовсе не имеет он связей позначительнее даже в своем кружке, а только слышал что-нибудь с третьего голоса; мало того: и дела-то своего, пропагандного, может, не знает порядочно, потому что-то уж слишком сбивается, и что уж куда ему быть обличителем! Кстати заметим мимоходом, что Петр Петрович, в эти полторы недели, охотно принимал (особенно вначале) от Андрея Семеновича даже весьма странные похвалы, то есть не возражал, например, и промалчивал, если Андрей Семенович приписывал ему готовность способствовать будущему и скорому устройству новой «коммуны» где-нибудь в Мещанской улице; или, например, не мешать Дунечке, если той, с первым же месяцем брака, вздумается завести любовника; или не крестить своих будущих детей и проч., и проч. — все в этом роде...»

Самый главный и благородный поступок Лебезятникова в романе, несмотря на все его глупости и нелепости, — он вывел на чистую воду негодяя Лужина, когда тот попытался представить Соню Мармеладову воровкой.

В рассуждениях Лебезятникова о проблемах, кои обсуждаются в «их кружке» (может ли член «коммуны» входить к другому без стука, надо ли целовать руку женщине, «полезная деятельность» выше деятельности «какого-нибудь Рафаэля или Пушкина» и пр.), спародированы и окарикатурены идеи «литературных врагов» Достоевского, в первую очередь — Н. Чернышевского и Д. Писарева.

В рассказе «Бобок» (1873) действует персонаж с такой же фамилией: Лебезятников Семен Евсеевич, судя по имени, — как бы отец Лебезятникова из «Преступления и наказания». В черновых записях к роману значение фамилии определил сам Достоевский: «Лебезятников, лебезить, поддакивать... картина лебезятничества». И чуть далее важное уточнение: «Нигилизм — это лакейство мысли...»